

НИКОЛАЙ САМУЙЛОВ

Цветные пятна из чёрного
ящика моей машины
времени

Николай Самуйлов

**Цветные пятна из чёрного
ящика моей машины времени**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076598

ISBN 9785005112729

Аннотация

Поэзия – это «стихия», буря мыслей и чувств, возникающая в момент зарождения вдохновения. Вдохновение появляется у каждого творца. Землекопы и дворники, вдохновлённые такой «стихией», тоже творят. Они красиво копают и чисто метут. И они, как и многие из живущих в этом мире, озарённые и обласканные этой бурей, становятся поэтами... или графоманами. Эта книга – творение одного из них.

Содержание

От автора	6
1. Лестница	9
2. Апокалипсис	10
3. Маме	11
4. Певец в ресторане	12
5. Снова...	13
6. Пирамида	14
7. Туман	15
8. Сказка	16
9. Назад	17
10. Инь-Ян	18
11. Зимний вечер	19
12. Предвестие	20
13. История	21
14. Счастье	22
15. Употреблённый	23
16. У костра	24
17. Грёзы	25
18. Дорога	26
19. Кол	27
20. Вознесение	28
21. Филоэкология	29
22. Меняла	30

Цветные пятна из чёрного ящика моей машины времени

Николай Самуйлов

© Николай Самуйлов, 2020

ISBN 978-5-0051-1272-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В ноябре 2045 года от Рождества Христова мне исполнилось сто лет.

Ну, исполнилось и исполнилось! Что дальше? Эка невидаль! Сейчас это долголетием не считается.

Ах, да! О чём это я?

Я, собственно, о книжке, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках. Решил к юбилею перетрясти свой архив и собрать опусы в сборник.

Это стихи, написанные очень давно, точнее – в конце прошлого тысячелетия – в восьмидесятые и девяностые годы двадцатого века. Было такое «жуткое» время в истории нашей страны, о котором написано много, в том числе и всякой всячины.

Уверяю вас, в моей книжке тоже есть эта «всячина», но её недостаточно, чтобы по ней судить о прошедших временах.

Когда мне исполнилось 35 лет, я почему-то решил сочинять сонеты. Для этого взял от поэтической формы размер стиха в четырнадцать строк. Ни больше, ни меньше. В маленьком опусе трудно «нарисовать» картину, которую задумал, а в большем можно такого нагородить, во что сложно вникать и, при этом, представлять запечатлённую мной «перспективу». Вот поэтому – четырнадцать строк. Немного позже я узнал, что пишу совсем не сонеты. Это просто

стихи. Что тоже – заявление спорное. Было дело – ругали, советовали: не марать бумагу и не портить настроение себе и читателям. А я вот не внимал советам и писал сонеты...

Сонеты, это другое. Это творения Петрарки и Шекспира. Это шедевры поэтического творчества классиков. А среди моих опусов можно найти пару-тройку попыток сделать нечто похожее, но не более.

Так что не сонеты я загрузил на страницы книги. Это всего лишь попытки что-то осмыслить, что-то нарисовать, что-то оценить, нечто доступное всем вам, уважаемый читатель, но – с моей точкой зрения. Да, и время, когда писались «опусы» было другое. Поэтому отдельные умозаключения, изложенные в них, могут не совпадать с дедукцией нынешних читателей.

Моя точка зрения, это – моя точка. Некоторые заумные литераторы, как и художники, заявляют: «Я так вижу!». Ну вот, и я того же мнения.

Прочтите одно стихотворение, остановитесь, вдумайтесь, всмотритесь в то, что награфоманил автор. Может, увидите то же, что видел и я. И вам захочется пойти дальше, в мой неотполированный мир...

А ведь я когда-то что-то увидел, как-то осмыслил увиденное и зачем-то тиснул всё это в четырнадцать рифмованных строчек. Читайте и ругайте!..

Удачи вам!

Река времён в своём стремленьи

*Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

Г. Р. Державин

1. Лестница

Вниз иду по склону лестницы,
Шаги считаю словно годы.
В ней ступеньки – мне ровесницы:
Там — радости, а тут — невзгоды.
Назад взглянул – увидел тени
Бездумно прожитых мной лет.
Там всё, что было, без сомнений,
Из прошлого мне шлёт привет.
Смотрю вперёд, на то, что будет
Со мною завтра, через год.
На то, как жизнь меня рассудит,
Толкая в свой водоворот...
Шагать бы так до Бесконечности.
Но наша жизнь короче Вечности...

2. Апокалипсис

В конце концов, сравнивает время
Громады гор с пустыней мрачной,
И океан водой прозрачной
Погубит всё людское племя.
Километровые глубины
Укроют рай, сейчас цветущий,
И ветер, смерть с собой несущий,
Промчит над всепланетной льдиной.
Под солнцем красным и холодным
Застынет день, во тьму летящий,
И космос, жизни не щадящий,
Обнимет кости псом голодным...
Так под луной, в потоке лет,
Исчезнет нашей жизни след...

3. Маме

Не искрят голубые очи.
На лицо сел морщинок рой.
Седина твои кудри точит —
Укрывает каштан зимой...
И пугающая всех конечность
Нашей бренности так близка,
Что не вечною кажется вечность
В серебристых твоих висках...
И мучения, и стенания,
От ползущей к тебе тоски,
Словно вечное заклинание,
Где от памяти лишь куски...
И оградка уже на примете,
Что поставлю тебе на рассвете...

4. Певец в ресторане

С. Пенкину

Он с виду чудной и даже странный:
В одежде, в походке и разговорах.
Кто-то ворчит: вот шут деревянный!
И осуждение в мутных взорах.
А он на подиум, тихий и нежный,
Увешанный лентами и мишурой,
Выносит голос, как небо, безбрежный,
И рушит на публику снежной горой...
И гаснут окурки над пьяной губой
У проституток от глупостей млеющих.
Ведь Пенкин Серёжа для них «голубой»
И нищий для них, ничего не имеющих.
И сыплют под ноги Серёжке купюры
За голос серебряный «нищие» дуры...

5. Снова...

Друзьям афганцам

Одноногие, на костылях,
С взором радостным, беззаботным,
На футбольных резвятся полях —
Роты юношей, вместе с ротным.
На воротах сержанты без рук,
На трибунах — протезы, коляски...
И не видно ни горя, ни мук
На зелёной планете без маски.
Все забыли о мире вовне.
Все довольны собою по-детски.
Их планида взошла на войне
И сияет для них по-советски...
А вокруг, веселя тишину,
Дети снова играют в войну...

6. Пирамида

Из кирпичей мы строили наш мир.
И вот я в пирамиду заключён.
Земля здесь, небо, звёзды и эфир,
И то, чем жил, и то, чем увлечён.
Работа здесь моя, моя жена,
Старушка мать, две дочери и дом,
В котором наша ересь рождена,
И где она скончается, потом.
В том мире мне знаком любой кирпич,
Пылинка каждая известна мне.
И каждый мне понятен был Ильич,
И даже те, кто с ними наравне...
Но тут сказали нам, настал момент,
Что кто-то, строя, воровал цемент...

7. Туман

Господи! Что за туманы над лугом!
Вот бы раздумья над ними развеять!
Я бы на них моим мысленным плугом
Грядки нарезал, чтоб росы посеять.
По росам вечерним рассыпал бы зори,
И подождал, пока всходы взойдут...
А лунным лучом в перламутровом море
Я бы воздвигнул туманный редут.
Я бы в тихий туман как в омут упал,
Попросив у Луны серебра по пути.
Там каждая капелька – чистый опал,
Там зелье волшебное можно найти.
Ну а при зелье, прости меня Боже,
Нам возвращаться на землю негоже...

8. Сказка

Звездопад и туман, и луна ковригой,
Опьянили меня по дороге к дому.
Я стою и смотрю, и люблюсь книгой,
Что на Млечном пути написали гномы.
Тихий шорох страниц, словно шёпот звёзд,
Ублажают мечту – будят мыслей рой.
И крылатый Пегас – недоступно прост —
Мне покажет тропу и возьмёт с собой.
Там и тернии есть, и крапива-злюка,
Там Кошей, и Дракон, и Иван-дурак.
Только я гадам тем не открою люка,
А Иван сможет сам покорить сей мрак...
Ох, и чуден ваш мир, вурдалаки-черти!
Как бы мне не пропасть в этой круговерти!

9. Назад

Было бы здорово стать генералом!
Или полковником – бес им в ребро!
Я б с мушкетёрами – дружно, авралом —
Брал Ла-Рошель, штурмовал Фонтенбло.
При поединке с лукавым Рошфором
Я бы придумал немыслимый «па».
Пусть капитаном, но всё ж мушкетёром,
Встречает Париж – ликует толпа...
Для Ришелье я б остался педантом.
Я переспал бы с коварной Миледи.
Лишь бы из Лувра уйти лейтенантом,
Выбросив в Сену награды из меди...
Я б на базаре купил себе клячу,
И ускакал на гасконскую дачу...

10. Инь-Ян

Здесь жизнь и смерть навечно поселились.
И чёрное, и белое мы видим тут,
Где после траура все веселились,
А после пира тихо в мир иной уйдут.
И холодно, и жарко в этом мире.
И свет, и темнота господствуют везде.
Здесь теснота живёт в бескрайней шири,
А в мириадах – одиночество звезде.
Тут и потоп, и засуха кочуют,
И громы с тишиной ведут войну.
Конечность с бесконечностью ночуют,
Невинности вменяют здесь вину...
Тут правда с ложью делят крохи,
А миг венчает жизнь эпохи...

11. Зимний вечер

Тихо-тихо воет ветер
За стеной моей избушки.
Я вздохнул, и он ответил
По окну из снежной пушки.
В облаках луна ковригой
Прорывается из плена...
Я вздремнул, упала книга
Со стола мне на колено.
За обоями мышонок
Учинил скандал с соседом.
Заворошился котёнок
В кресле, у меня под пледом.
Замурлыкал зверь от ласки,
Зло зевнул и смежил глазки...

12. Предвестие

Ещё одно лето тихо кануло в Лету¹ —
Затуманилась нега тёплых дней и ночей.
И не нужно искать в поднебесье примету,
Если вспыхнет зарница среди звёздных свечей.
Если ветер сердитый треплет ветви осин,
И трава под ногами уж не радует глаз,
Значит, скоро угаснет неба томная синь,
Значит, бледная хмарь опечалит всех нас...
А потом вдруг настанет тишина и покой —
После чёрных ночей – ожидание света.
И наместник природы своей нежной рукой
Раскрасит округу цветом бабьего лета.
И к нам, в дни радения, осень будет добра, —
В причёску добавит всем золотник серебра...

¹ Лета – река забвения в подземном царстве, воды которой заставляли души умерших забывать земную жизнь (др. греч. мифология)

13. История

Есть науки – строгие и точные.
С ними можно в дебрях истины найти.
В них ответы – вечные и прочные,
Если, вычисляя, не свернул с пути.
Лишь история – наука прошлого.
Ей на знаки минус или плюс – плевать.
То изгоя возвеличит пошлого,
То героя станет грязью поливать.
Вот и думаешь в сей миг о прожитом,
Что родился под счастливою звездой.
А под финиш обретёшься под щитом,
Где фортуна интегрируют с бедой...
Я сегодня перед временем в долгу —
Плюс ли, минус – разобраться не могу...

14. Счастье

Это где-то очень близко,
Рядышком – совсем-совсем.
И довольно-таки низко —
Можно трогать это всем.
Можно даже лобызаться
И в глаза ему взглянуть.
Это может показаться,
А потом вдруг увильнуть.
Это может быть коварным,
Если долго созерцать.
Можно зреть его шикарным,
Можно просто отрицать.
Это греет дом в ненастье,
Потому что это – счастье...

15. Употреблённый

Меня томили в бедности,
Сполна морили голодом,
Чтоб я в своей безвредности
Тепло не путал с холодом.
Приноровили к простоте,
И приучили к участи,
Что жить я буду в пустоте,
Познав синдром живучести.
Потом кормили на убой
И в бой я шёл безропотно.
Но я остался сам собой,
Хоть это было хлопотно.
Сейчас живу при мнении,
Что был в употреблении...

16. У костра

Тлеют, тлеют угольки,
Покрываясь сединой.
В небе звёзды далеки —
Млеют пылью водяной.
Догорел ночной костёр,
Жаром в темноту дыша.
Свод небесный, как шатёр,
Вдаль уходит не спеша.
Лес осенний задремал,
Чуть шурша сухой листвою.
Этот шорох я внимал
Не по слуху, а душой.
И казалось мне в тот миг,
Что я мир земной постиг...

17. Грёзы

Я уже не охотник до грёз.
Их я с детства к себе приручил.
И в жару я мечтал, и в мороз,
И во сне себя грезить учил.
А теперь, стоит лишь закурить,
Никотином встревожить себя,
Как мой дух начинает парить,
Всю вселенную разом любя.
Я себя ощущаю, как мир,
Как живой галактический дом,
Где из чёрных таинственных дыр
Раздаётся божественный гром.
Я в такие мгновения мог
Подсмотреть, что там делает Бог!

18. Дорога

Бедный мужик на российской дороге
Мыкает горе, который уж век.
Пустую башку да стёртые ноги
Себе приобрёл чудака-человек.
Когда-то на тройке летал, веселясь.
Когда-то чугунок Сибирь покорил.
И было, когда-то, на звёзды молясь,
Он первым над миром земным воспарил.
Но что-то случилось – недавно совсем!
Кони подошли, чугун на износе,
И общая блажь показала вдруг всем,
Как «наш паровоз» сошёл на откосе.
Когда же поймёт вечно бедный мужик,
Что этой дорогой забрёл он в тупик!?

19. Кол

Был то грубый осиновый кол —
Не берёзовый, не кокосовый.
Он и внешне, и внутренне гол —
Просто посох бесхозно-бросовый.
Кто-то взял и воткнул его
Прямо в лужу болотно-мутную,
Словно в небо из ничего,
В пустоту с синевой беспутную.
И никто на него не зарился —
Ни злорадства, ни сожаления.
Как он в жиже с осокой парился,
Сохранивши себя от тления!?
Бабым летом в небесной сини
Мир увидел пожар на осине...

20. Вознесение

Неопознанный летающий объект
В моём детстве, отдалённом пролетел.
И с тех пор я, впечатлительный субъект,
За мечтою голубой уйти хотел.
Вместе с Друдом я свободу обретал,
С Ариэлем² познавал добро и зло.
Гнул решётку неподатливый металл
И считал, что мне с мечтами повезло.
Повезло мне, потому что я рождён
В мире добрых и доверчивых людей,
Где свободой от рожденья награждён,
Где не мчит за мной на облаке злодей.
Но когда над миром стал парить и я,
То увидел в нём богов распятия...

² Главные герои романов А. Грина («Блестящий мир») и А. Беляева («Ариэль»)

21. Филоэкология

Мы в розариях дерьмом почву удобряем.
Пораскинувши умом, химией воняем.
И уверены при этом, что в тепле навоза
Жизнь поведает поэтам, как родится роза.
Мы при детях пьём вино, хаем мирный атом,
Ночью лупим в домино, тещу кроем матом.
И уверены при том, что ребёнку это
Будет рай, а не притон, и растим поэта...
Но когда увидит свет юное создание —
Не напишет он сонет, не построит здание.
Не бутоном он зардеет, а шипом-занозой,
Ибо он дерьмом владеет, а не нежной розой!
Тут бы и мораль извлечь в пользу экологии,
Но моя прямая речь не для филологии...

22. Меняла

— Тебе бы и здесь отыскалось дело! —
Сказала мне мама, присев на порог.
Но я заложил и душу, и тело,
И лес поменял на бетон и на смог.
Отдал за бесценок поля с пшеницей,
Игривый ручей, как довесок, кинул.
Сотку картошки с курчавой мокрицей
Просто из памяти в сторону сдвинул.
И жил бы спокойно в краю городском,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.